

САЯНА
ГОРСКАЯ

ПРИТВОРИСЬ
МОЕЙ *невестой,*
БЫВШАЯ

Саяна Горская

Притворись моей невестой, бывшая!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73068318

SelfPub; 2026

Аннотация

– Я предлагаю сделку. Хочешь, подсоблю в поимке твоего грабителя? У меня крепкие связи в местной полиции. Отомстишь подлецу. Взамен просто притворись моей невестой на пару дней.

Заторможенно хлопаю глазами. Я ведь ослышалась, да?

– Что?

– Это важно для моего бизнеса. Ты меня знаешь, я знаю тебя. Нам не составит труда убедительно сыграть пару влюблённых.

– С чего ты взял, что я помню чувства, что нас связывали?

В глазах Марка вспыхивает знакомая упрямая искра. Он делает медленный шаг в мою сторону.

– Ну, если забыла, я могу напомнить...

Вместо подарка обнаружила под ёлкой мужа с любовницей? Не беда! Отлупи предателя палкой колбасы и возьми билет в родной город. В аэропорту обчистили до нитки? Не страшно! Номер люкс уже оплачен. В соседнем люксе бывший? А вот это уже проблемка...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Саяна Горская

Притворись моей невестой, бывшая!

Глава 1

– Светочка, – с елейной улыбкой тянет Ольга Анатольевна, сидя напротив меня за столом, заставленным салфеточками, вазочками и её священным сервисом. – Я решила, что Новый год праздновать будем у вас.

Давлюсь чаем. Так и знала, что неспроста свекровь меня сегодня в гости пригласила. Я сюда с работы неслась как савраска, чтобы потом на метро успеть, а она мне вот какой сюрприз приготовила.

– Почему это?

– Как же? Приедет тётя Люда со своим семейством, а это семь человек, включая внуков. Тётя Марина тоже обещала. Помнишь её? Так вот, она со своим новым мужем будет. Он у неё алкоголик со стажем, буйный. У вас с Владиком квартира большая, просторная. Где нам всем собираться, если не у вас?

Кручу в ладонях чашку, отстранённо глядя на кружащую по дну одинокую чайнику.

– Можно и у вас. Тоже не однушка.

– У меня? – Свекровь выпучивает глаза. – Светочка, я ведь только ремонт сделала. Полы новые, обои свежие, мебель дорогая. Люди будут ходить тут туда-сюда, дети все заляпают, к мужу Марины вообще доверия нет. А у вас там простор, к тому же молодой семье положено по статусу гостей принимать.

Молчу, потому что мнение свекрови совершенно точно не разделяю. Я даже не всех многочисленных родственников со стороны Влада помню.

Ольга Анатольевна отодвигает от меня тарелку с печеньем, оценивающе поглядывает исподлобья.

– Тебе бы, Светочка, к Новому году чуть-чуть подсобратиться. Платье какое-нибудь стройнящее купить. Чёрное. Чёрный цвет, говорят, прекрасно скрывает недостатки.

Это она сейчас про мою задницу? Свекровь вечно пытается неизящно намекнуть мне на то, что пора сбросить лишний вес. Вот только лишний он лишь в её голове. Я себе нравлюсь такой, какая есть.

– Угу, – отпиваю чай, чтобы не высказать вслух все накопившие претензии.

– И давай сразу распределим обязанности, – оживает свекровь. – Ты всё приготовишь: оливье, шуба, холодец, утка. Пирог можно. Уберись как следует, чтобы мне перед гостями не краснеть. Окна помой, шторы постирай обязательно. Мы приедем часам к десяти, чтобы ты успела накрыть на

стол.

Прекрасное распределение обязанностей, даже не придраться. А она что будет делать? Приедет на всё готовенькое?

– Можем часть заказать, – произношу осторожно. – Сейчас доставки хорошие. Чтобы мне не целый день у плиты стоять...

– Деньги лишние, что ли? – Свекровь поднимает брови. – Тридцать первое – выходной. Чем тебе ещё заниматься? Женщина должна создавать праздник. Тем более тебе полезно лишний раз пошевелиться. Хоть калории сгорят.

Она улыбается доброжелательно, как врач, который только что сообщил неутешительный диагноз и остался страшно доволен собой.

Но спорить со свекровью не решаюсь. Да и зачем? Я действительно хочу, чтобы она приехала пораньше, чтобы помочь? Тогда я целый вечер проведу под давлением, ведь Ольга Анатольевна не сможет не контролировать процесс. И вместо ожидаемой помощи я получу лишь вагон упрёков в том, что делаю всё недостаточно старательно и хорошо.

– Ладно, – выдыхаю. – Приезжайте к десяти.

– Вот и умница, – удовлетворённо улыбается свекровь. – И Владика постарайся не трогать. Он в последнее время крайне нервный. Ты его совсем запилила.

– Потому что давно пора работу найти.

– Светочка, но он ищет! – Ольга Анатольевна уязвлённо поджимает губы. – Он ищет! Да разве ж он виноват, что

ничего достойного нет? Не охранником в супермаркет ведь устраиваться, с его-то талантами.

Даже обсуждать это не хочу. Уже полгода Влад на диване лежит и всё нос воротит от вакансий, потому что они его царскому величеству не подходят. А в перерывах ещё и ребёнка от меня требует, мол, пора бы продолжением рода заняться, наследника сделать.

Наследника...

И где только нахватались этой чуши?

– Мне пора, – поднимаюсь из-за стола. – Магазины закроются, а мне надо ещё продукты купить.

Быстро одеваюсь, подхватываю сумку. Голос свекрови догоняет меня уже на лестничной клетке:

– И на себя глянь, Света. Праздник всё-таки! Сделай причёску, макияж. Мужчина должен гордиться своей женщиной, когда гости придут!

Захлопываю дверь.

На улице темно. Фонари белыми кругами освещают двор. В окнах мигают гирлянды, а в воздухе пахнет морозом и жареной картошкой. Забегаю в супермаркет у метро и мчу домой.

По пути от станции до дома меня снова вдруг накрывает такой странной волной: я опять тащу всё на себе. Пакеты, праздники, отношения, ответственность. Пока они сидят и ищут что-то достойное, я со своими «недостатками» стою в очереди за селёдкой и копчёной колбасой.

Пакет тяжёлый, в пальцы врезаются в ручки, но я упрямо не перекидываю его из руки в руку. Хочу дойти до дома за один заход, без остановок. Самой себе что-то доказываю.

Под ногами снег похрустывает, а редкие снежинки опадают на мои ресницы и волосы, торчащие из-под шапки.

У двери квартиры долго вожусь с ключами – пальцы онемели и потеряли чувствительность от тяжести пакета. Не с первого раза, но всё же попадаю в замочную скважину, толкаю дверь и тут же понимаю, что что-то не так. В воздухе витает сладкий, навязчивый запах женского парфюма, и в моей коллекции такого точно нет.

Откуда-то из глубины квартиры доносится приглушённый женский смехок.

– Влад?

Ответа нет. Смех повторяется.

У нас в комнате стоит ёлка. Справа от окна, там, где ковёр. Влад вчера её сам наряжал: мотал гирлянду, подбирал шары, гордился собой. Я заходила и говорила, что красиво. Хоть где-то он постарался, а потому это нужно поощрять.

Сейчас ёлка светит мерцающим светом в щель между дверью и косяком. Тени прыгают по стенам. Делаю пару нерешительных шагов.

Картина, которая открывается мне, просто не укладывается в голове. Мозг категорически отказывается верить, что это происходит у меня дома, у моей ёлки, а не в какой-то дешёвой мелодраме.

На ковре лежит мой почти голый муж, на котором из одежды лишь чёрные носки. На нём, перекинув длинную ногу через его бедро, сидит худенькая девушка в кружевном белье сливочного цвета. Волосы растрёпаны, на шее тонкая цепочка, помада размазана. Она смеётся, запрокинув голову, и продолжает ритмичные движения бёдрами.

Огоньки гирлянды отражаются на её гладкой коже и на голой груди Влада с порослью редких волосков.

Пакет с грохотом выпадает из онемевших пальцев.

Глава 2

Голубки резко оборачиваются на звук. Девушка пищит и пытается прикрыться ладонями, а я с отстранённой завистью думаю о том, какая она худышка. Талия осиная, бёдра наверняка вписывается в золотой стандарт «90», бюст пышный.

Владик застывает, как ребёнок, пойманный с конфетой. Глаза круглые, рот приоткрыт.

– Свет, а ты чего пришла? Ты ж сказала, с подругами встречаешься...

Это всё, что он может сказать? Бросить претензию о том, что вернулась домой раньше положенного?

– Не с подругами, а с мамой твоей! И если бы ты меня слушал...

– Вот чёрт, – выдыхает он через зубы.

– Ты что творишь, Влад? В нашем доме! В нашей квартире, под нашей, чёрт возьми, новогодней ёлкой!

– Свет, подожди, – начинает Влад, пытаясь скинуть с себя девчонку и нащупать штаны. – Это... давай без истерик...

Без истерик?!

Да, а давайте все возьмемся за руки, обнимемся и отпустим друг другу грехи, ведь Новый год на носу! Не время обижаться по пустякам!

Ух, я тебе сейчас, гад!

На автопилоте хватаю из пакета палку копчёной колбасы.

Подороже да посуше выбирала и, оказывается, не зря!

Первый удар приходится Владу по плечу.

– Ай! – Взвизгивает он. – Ты совсем обалдела?!

Второй прилетает по спине. Я даже не вкладываю всю силу, мне просто нужно выплеснуть злость.

Ещё раз. И ещё.

Влад сгибается, прикрывая голову руками, чтобы спрятаться от града колбасных ударов.

Девушка, визжа, хватает с пола платье, прячется в него и жмётся к стене. Глаза огромные, испуганные.

– Я не знала, что он женат! – Лепечет она, когда я заматываюсь в её сторону. – Честное слово! Клянусь! А если б знала...

– Поздравляю, теперь знаешь, – обрываю. – Одевайся и уматывай, пока я тебе такую возможность даю!

Не собираюсь выяснять, врёт она или правда не знала. Сейчас у меня один адрес злости, и это, на удивление, не она.

Владик между делом умудряется натянуть джинсы на голое тело, едва не падает, запутываясь в штанинах. Выглядит жалко.

Жало в груди, правда, не становится меньше от этого.

– Свет, ты с ума сошла? – Он с досадой смотрит на то, как убегает в спешке его пассия. Хватает футболку, натягивает её швами наружу. – Успокойся, детка. Давай поговорим. Без рукоприкладства.

Без сил оседаю в кресло. Лицом зарываюсь в пахнущие

копчёностями ладони. Я б может и заплакала, да вот слёз нет. Лишь глубокое, тянущее чувство разочарования.

– Свет, – муж осторожно касается моего плеча, – послушай, для меня это ничего не значит. Это просто интрижка. Я её не люблю, я лишь тебя люблю. Разве не это самое главное?

Поднимаю голову, встречаясь с Владом взглядом.

– Интрижка? Ты предал меня. Изменил. Изменил в моей квартире, под нашей новогодней ёлкой.

Он замолкает и складывает губы в тонкую линию. Присаживается на корточки, чтобы быть глазами на одном уровне со мной. Начнёт сейчас заливать про любовь до гробовой доски, единство душ и прочую лабуду? Навешает мне на уши лапши, как делают все мужчины, когда выбирают не свою женщину и пытаются хоть как-то оправдать свой гнусный поступок?

– А что ты хотела? – Неожиданно твёрдо и с металлом произносит Влад.

От шока даже приоткрываю рот.

– Что я хотела? Наверное, чтобы мой мужчина хранил мне верность.

– Свет, ну сама на себя посмотри! – Не верю, что он это сказал, но он продолжает с ещё большим нажимом: – Ты же буквально расползлась. Ты видела, какой стала? Я тебе сколько раз говорил: займись собой, спорт там, правильное питание. Ты же... – он делает жест в мою сторону, разрезая воздух ребром ладони. – Да ты взгляни на свои булки!

– А что с моими булками не так?!

– Да ничего, не считая того, что они размером с Евразию. Уж прости, Светик, но ты живое опровержение выражения о том, что одной жопой на двух стульях не усидеть. Ты уже на трёх усидишь, по-моему. А я мужик. Я глазами люблю. Мне же тоже хочется, чтобы рядом была красивая, манкая кошка, а не нефтетанкер!

– Ты говорил, что любишь мои формы, – прикрываю глаза.

– Любил. Когда эти формы в рамки нормы умещались. Но сейчас, Свет, никаких рамок на тебя не хватит. Широта души твоей зашкаливает! Вот этот спасательный круг на твоём животе... Блин, да я не знаю, как его развидеть! Ты что, к апокалипсису готовишься?

На секунду в комнате становится так тихо, что слышно, как ёлочная гирлянда потрескивает на ветках. А у меня внутри что-то окончательно и необратимо ломается. Не от того, что он изменил. От того, что считает это объяснимым и логичным. Потому что я не вписываюсь в его представление о том, как должна выглядеть нормальная женщина.

А ведь я никогда худышкой не была. Я всегда была пышкой, и Влад правда восхищался моей фигурой. Да, за последние полгода я чуть поднабрала – не критично, буквально четыре кило. Сказалась работа. После того, как Влада уволили, мне пришлось взять на себя чуть больше обязанностей. Стресс привычно заедала тортиками. И муж вместо того,

чтобы упрекать, мог бы оказать поддержку – найти, наконец, работу. Но он ведь нос воротит от всего. Видите ли, он лучшего достоин. А Ольга Анатольевна сыну в этом потакает.

Гордо расправляю плечи и выпрямляюсь.

– Понятно, – киваю. – Я всё поняла, Влад. Ты совершенно прав.

Глава 3

– Ну, слава богу! – Сияет улыбкой предатель. – Светик, я так напугался! Думал, обидишься. Ну ничего, мы это переживём!

– Конечно, переживём. Только по отдельности.

– Чего? – Влад хмурит брови. – По какой ещё отдельно-сти?

– Значит так. Ты сейчас собираешь свои вещи и уходишь из моей квартиры.

– В смысле ухожу? – Владик неожиданно теряет уверенность. – Ты чего, Свет? Истерику закатывать вздумала? Это наша квартира!

– Не припомню твоего имени в завещании моей бабушки. Квартира моя, – даже не повышаю голоса, чем страшно горжусь, откровенно говоря. – Так что ты сейчас собираешь чемоданы и упархиваешь отсюда.

– Да брось! – Фыркает муж, качая головой и отказываясь верить. – Новый год через неделю! Разве так поступают порядочные люди? Да и куда я пойду?

– Куда хочешь. К маме, например. Там тебя и пожалеют, и накормят, и, возможно, найдут тебе кого-нибудь без лишних килограммов и этих вопиюще-очевидных недостатков.

– Света... – Влад переходит на умоляющий тон. – Ты сейчас на эмоциях. Завтра успокоишься, поймёшь...

– Завтра я буду в квартире одна, – перебиваю. – И если здесь останутся твои вещи, они полетят в окно.

Он ещё что-то говорит. Что-то о том, что все мужики изменяют, что нормальные бабы не делают из этого трагедии, что я сама его довела, что пилила и не давала чувствовать себя мужчиной.

Каждое его слово как очередная гирлянда, которую он пытается повесить на мою шею, чтобы потом затянуть удавкой.

Наплевать.

Отстранённо наблюдаю на беспорядочные сборы мужа. Через час он с двумя чемоданами застывает у входной двери. Ждёт. Возможно, даёт мне последний шанс одуматься, но я этим шансом пользоваться не собираюсь.

– Ты ещё пожалеешь, – оборачивается через плечо. – Никому ты такая не нужна, Светка. И дело даже не в сале, свисающем с твоих боков. Характер у тебя дрянной. И баба ты дрянная.

Хватаю с пола злосчастную колбасу, замахиwaюсь. Влада как ветром сдувает из квартиры, лишь дверь напоследок громко хлопает. А после я остаюсь в звенящей тишине. В ожидании Нового года на руинах собственной жизни.

Тишина давит. Такая плотная, что кажется, если вдохнуть поглубже, она заполнит мои лёгкие и я захлебнусь ею.

Медленно оседаю прямо на пол в коридоре, прислоняюсь спиной к стене и какое-то время просто смотрю перед собой. На валяющийся на боку пакет у двери в гостиную, на рассы-

павшиеся по полу мандарины, на ту самую палку колбасы, которая только что выполняла функции орудия возмездия.

Уговариваю себя не скатываться в истерику, но всё-таки проваливаюсь.

Плачу. Реву с хрипами, всхлипами, с мокрым носом и чувством, что несчастное моё сердечко вырвали, саму меня препарировали наживую, выпотрошили, набили соломой и зашили, сделав вид, что так быть и должно. Слёзы текут так, будто внутри меня плотину прорвало. Дрожащими руками размазываю их по горящим щекам, смешивая с тушью.

Никому ты такая не нужна.

Фраза Влада крутится в голове, как заевшая пластинка. А рядом всплывают другие: «женщина должна создавать праздник», «он нервный, не пили его», «ты расползлась», «спасательный круг на животе».

Спасибо, блин, семья года. С Новым счастьем, как говорится!

Не знаю, сколько времени провожу на полу. Может, десять минут, а может, час. В какой-то момент слёзы заканчиваются. Остаётся сухая, противная усталость и лёгкая отрешённость, с которой я обследую стены опустевшей вмиг квартиры.

Плетусь в ванную. Из зеркала на меня смотрит панда: тушь размазана тёмными кругами, нос красный и опухший, волосы торчат, как у одуванчика, который пытались выдернуть, но передумали. Шмыгаю носом, умываюсь, смываю с

лица весь этот кошмар. Капли воды стекают по шее и ключицам, холодят кожу.

Вздыхаю.

– Никому я такая не нужна, да? – Вопрошаю у собственного отражения. – Ну ничего. Сама себе нужна, и это уже неплохо.

Капаю себе щедрую порцию пустырника, залпом выпиваю. Внутри всё равно невообразимо глубокая дыра, но хотя бы паника отступает. Хочется лечь под одеяло и проспать до весны.

Телефон в кармане разрывается от вибрации. На экране высвечивается имя свекрови. Её только сейчас не хватало для полного счастья...

Глава 4

– Да, Ольга Анатольевна, – беру трубку.

– Светочка, что там у вас произошло? Владик бледный пришёл, лица нет, зато есть чемоданы. Неужто поссорились?

– А вы у своего сына и спросите, в чём дело.

– Так он молчит как партизан!

– Надеюсь потому, что ему стыдно. Зато мне не стыдно.

Ваш сын мне самым подлым и гнусным образом изменил, притащив свою любовницу в мою квартиру.

– Ох, – выдыхает свекровь. – Только не говори, что ты его из квартиры попёрла из-за этого.

– А этого мало?

– Светочка, – свекровь мнётся, явно подыскивая формулировки помягче, – я не вижу в этом ничего криминального. Так все живут. И все мужчины изменяют своим жёнам, это абсолютная норма. А те мужчины, которые утверждают, что не изменяют – изменяют вдвое чаще. Чего от них хотеть? Физиология берёт своё. Инстинкты того требуют. Зов предков.

– Уж простите, Ольга Анатольевна, но я выходила замуж за человека разумного, а не за животное, живущее инстинктами и принимающее решение спинным мозгом.

– Светлана! – С укором. – Как ты можешь говорить такое о моём сыне, своём муже?!

– Не муж он мне. Больше нет.

Свекровь сопит в трубку.

– Светочка, – сменяет гнев на милость и снова воркует, – ну, сама посуди, к чему это сейчас, перед самым Новым годом? Что ты будешь делать? Сядешь одна, в пустой квартире с тазиком оливье, слушаешь речь президента и в гордом одиночестве спать ляжешь?

Да, примерно такой был план, но свекрови об этом знать не обязательно.

– Нет, Ольга Анатольевна, я в отпуск улетаю!

– Какой ещё отпуск? Куда? Не растрясай семейный бюджет!

– Бюджет уже как полгода не семейный, а мой. Всего вам доброго, Ольга Анатольевна. Надеюсь, больше никогда не встретимся.

Бросаю трубку и тут же наполняюсь странной решимостью воплотить угрозу в жизнь, а именно укатить в отпуск. Почему нет? Я, кажется, лет сто не отдыхала полноценно!

Открываю ноутбук. Экран оживает, освещая комнату голубоватым светом. На стартовой странице яндекс-лентой вываливаются новости и реклама. И как будто нарочно, сразу же в глаза бросается баннер:

«Всероссийский редакторский и писательский симпозиум. Красноярск. 26-30 декабря. Ещё есть свободные места».

Этот симпозиум Олег Петрович, наш главный редактор, мне ещё месяц назад предлагал.

– Свет, скатайся. Пообщаешься с авторами, завяжешь контакты, подумаешь насчёт секции романтической прозы. Там и Дорохов выступает, и Крылова, – убалтывал он меня.

Я тогда отказалась. Новый год всё-таки семейный праздник, к тому же свекровь уже наметила план захвата нашей квартиры.

Смотрю на баннер, на даты, на слово «Красноярск», и где-то в груди шевелится старая, давно утрамбованная мечта вернуться в родной город. Увидеть зиму не в промозглой московской наледи, а настоящую. С морозом, с хрустящим снегом, с клубящимся над могучим Енисеем воздухом. Всё времени не находилось...

А теперь вот его полно – муж освободил календарь очень радикальным способом.

Рука сама тянется к тачпаду, я кликаю на баннер. Открывается сайт симпозиума: программа, секции, список спикеров.

Так же резко закрываю вкладку.

Не поеду я на ваш симпозиум. Лучше с кайфом на пляже поваляюсь, загорю и вернусь шоколадкой после Новогодних праздников.

Открываю новую вкладку, набираю в поиске: «горящие туры Новый год море».

Сайты турагентств вываливаются один за другим. Картинки пестрят: Гоа, Сейшелы, Мальдивы, Пхукет. Голубая вода, пальмы, кокосы, девушки в купальниках, мужчины в шор-

тах. Смотрю на это и пытаюсь представить себя на пляже тридцать первого декабря. В купальнике, с коктейлем, на жаре.

Не получается...

И не в купальнике дело. Я свои формы люблю, пусть Владик подавится. Просто Новый год без снега и ёлки – это же как оливье без майонеза. Формально салат, но радости не приносит никакой.

Щёлкаю обратно на вкладку симпозиума. В самом низу крупными буквами: «Официальный отель симпозиума. Специальная цена для участников».

Нажимаю.

Открывается сайт гостиницы. Красивая, современная. Вид на реку и коммунальный мост, ресторан с панорамными окнами, спа-зона, фитнес, куча красивых фоток. Есть стандартный номер, комфорт, а есть люкс с огромной роскошной кроватью, мягким диваном, собственной кухней, отдельной гостиной и огромным окном во всю стену, из которого видно город в огнях.

Разумеется, кликаю на «стандарт». Цена вполне терпимая. На неделю вылетит в приличную сумму, но не катастрофу. Хватаю листок, чёркаю карандашом цифры, подсчитывая сколько у меня на карте, сколько в кубышке, сколько уйдёт на дорогу.

Да, прилично... Где денег взять?

Обновляю без конца приложение банка, словно нужная

сумма сама вот-вот должна появиться на счёте. А потом взгляд мой спускается ниже, на накопительный счёт, на котором отложено уже прилично. Эти деньги я копила на подарок Владу. Хотела подарить ему мощный игровой компьютер, которым он грезил последний год. Откладывала по чуть-чуть, экономила на такси и лишних латте. Представляла, как буду смотреть на его счастливое лицо, когда он распакует коробку.

Сжимаю челюсти.

– Хрен тебе, а не компьютер, Владик! Мой Новый год, мои деньги!

Возвращаюсь на вкладку гостиницы. Переключаюсь со «стандарт» на «люкс». Цифра в строке «итого» подскакивает, и внутри меня смешиваются страх, возбуждение и азарт.

Ну, Семёнова! Ну, оторва!

Я никогда в жизни не позволяла себе такой роскоши. Жила скромно, по средствам. Люкс – это для других. Для тех, кто не считает каждую копейку и не живёт с установкой «не высовывайся», заботливо вложенной в голову мамой.

Смотрю на сумму ещё раз.

Дикость!

– Да и пошло оно всё!

С чувством невообразимого восторга клацаю по кнопке «забронировать». Телефон тут же брякает, уведомляя о списанных средствах. Всё, Семёнова, нет пути назад. Полный вперёд!

Следующие дни проходят в режиме турбо. На работе в издательстве отпрашиваюсь у самого генерального, подписываю какие-то бумаги, забираю служебное удостоверение для участника симпозиума. Коллеги суется с макетами, ругаются на авторов, желают мне отдохнуть за всех.

Никто не знает, что дома у меня теперь на одного идиота меньше.

И я не спешу делиться.

Потом дом, чемодан, паника: что брать в Красноярск? Тёплые свитера, термобельё, шерстяные носки, платье на симпозиум, второе платье на случай, если доведётся выбраться в ресторан. Минимум косметики, но обязательно красная помада.

Влад не звонит. Свекровь тоже. Наверняка они уже собрали координационный совет и обсуждают, как вернуть заблудшую жируху в лоно семьи. Ну-ну. Пусть попробуют.

Вечером двадцать пятого числа выезжаю в аэропорт. Мелькают окна, фонари, снег, серый декабрь, но на душе странно спокойно. Как будто я уже не убегаю, а возвращаюсь.

К себе, что ли...

Самолёт набирает высоту, город остаётся внизу маленьким пятном. В иллюминаторе чернота и редкие звёзды. Я впервые за несколько лет не думаю «лишь бы дома всё было хорошо». Сейчас дома хорошо хотя бы потому, что там никого нет.

Когда объявляют посадку, сердце ускоряет бег и провали-

вается в пятки. Самолёт идёт на снижение, под крылом появляется белый, заснеженный город. Огни, ленты дорог, тёмная полоса Енисея.

Выхожу на трап. В лицо ударяет настоящий, жгучий сибирский мороз.

Господи, я дома!

Глава 5

Новый терминал встречает меня светом и стеклом.

Здесь всё другое, совершенно не похожее на то, что я помню. Высокие потолки, много воздуха, на стенах огромные изображения Енисея и тайги, надписи «Ворота Енисейской Сибири».

Меня распирает изнутри. Отсюда я когда-то улетала двадцатидвухлетней девчонкой в дешёвой куртке. С собой у меня был лишь рюкзак и целая прорва надежд и розовых мечт. Сейчас я взрослая женщина с оплаченным номером люкс и разводом, маячащим на горизонте.

Но я искренне радуюсь этому аэропорту. Прямо как ребёнок.

Иду, задрав голову. Разглядываю потолочные конструкции и новогодние инсталляции, прижимая к себе сумку и волоча чемодан на колёсиках. Люди снуют туда-сюда, в объявлениях бормочут про вылеты и прилёты, терпко и головокружительно пахнет кофе.

Что-то тяжёлое с размаху врывается в меня, заставляя потерять равновесие. С протяжным визгом плюхаюсь на попу, в очередной раз радуясь, что она у меня такая мягкая. Сумка слетает с плеча и всё её содержимое, включая косметичку, разбегается по полу.

– Чёрт... – постанываю, пытаюсь понять, цел ли мой коп-

чик.

– Простите-простите-простите, – раздаётся над головой мужской голос. – Я такой неловкий!

Поднимаю взгляд и на пару долгих секунд забываю, как дышать.

Надо мной, склонившись, стоит мужчина. Очень красивый, надо сказать, мужчина! Из той породы, что обычно обитает на обложках журналов, а не в эконом-классе. Высокий, тёмные блестящие волосы, лёгкая стильная щетина. Из-под рукавов пальто торчат манжеты белой рубашки. Всё сидит идеально, и даже шарф на его шее смотрится не по-дурацки, как это обычно бывает.

Он присаживается на корточки, собирает мои тюбики и карандаши, аккуратно складывает косметику обратно в косметичку. Пахнет дорогим, но не душным парфюмом, чем-то свежим и тёплым одновременно.

– Это я виноват, – мужчина смотрит прямо мне в глаза. – Вы не ушиблись?

– Нормально. Подушка безопасности сработала.
Улыбается, чертяка.

А улыбка у него... Господи, держите меня семеро! Белозубая, рекламная, от которой у нормальных женщин плавится рассудок.

– Я что-то замечтался. Не заметил вас.

– Меня сложно не заметить.

– И правда, вы шикарная женщина, – трактует он моё вы-

сказывание по-своему, ведь я-то габариты имела в виду.

К щекам приливает кровь.

Он протягивает мне собранную косметичку, поднимает с пола сумку, одним движением ставит чемодан на колёса, а потом тянет мне руку.

– Давайте, Снегурочка. Негоже такой красоте на полу разлёживаться.

Доверчиво вкладываю руку в его ладонь. Ладонь тёплая, сильная. Он поднимает меня легко, как будто я и правда вещь не больше пушинки, а не живое опровержение поговорки про стулья, как считает один ушедший субъект.

– Спасибо, – поправляю шубку и пытаюсь сгрести в кучу остатки достоинства.

– Кстати, я Павел, – говорит мужчина, всё ещё не отпуская мою руку.

– Света.

Он улыбается шире.

– Я-то думаю, откуда среди ночи вдруг солнце. А это всё вы. Лучик Света.

Если бы мне такое сказал кто-то другой, я бы закатила глаза до затылка. Но от него это звучит так легко и естественно, что я только хихикаю, как школьница.

– Это было очень банально, но мило.

– И совершенно честно, – он чуть склоняется и подносит мою руку к губам. – Мне крайне приятно познакомиться, Света.

Он касается кожи на моих костяшках губами коротко, едва ощутимо, и тут же отпускает.

Господи, да я же только что мужа колбасой из квартиры выгнала. Мне сейчас не мужчина с обложки, мне психолог нужен! Но мозг устал, а организм, похоже, решил взять отпуск и погреться в лучах комплиментов от незнакомца.

– Надеюсь, мы с вами ещё встретимся, – подмигивает Павел. – Уж больно приятно было столкнуться.

Он разворачивается и уходит по залу, легко лавируя между людьми. Я даже не сразу замечаю, что смотрю ему вслед чересчур долго. Потом встряхиваюсь, поправляю ремень сумки, хватаю ручку чемодана идвигаюсь в сторону выхода.

На улице темно, мороз намного бодрее московского. Воздух обжигает нос, дыхание превращается в белое облачко. Перед входом в аэропорт стоит ряд такси, мигают огоньки, мерзнут водители в пуховиках у машин.

Сажусь в первое попавшееся такси, устраиваюсь на заднем сиденье, оттаиваю. Машина трогается, мы выезжаем на трассу.

До города около тридцати километров, лента асфальта освещена редкими фонарями. За окнами чёрные силуэты леса, заправки, рекламные щиты. Мигание дальнего на встречке, тёмное небо, дорожная разметка. Свет фар смазывает сугробы, снег поблёскивает сахарной крошкой.

Прислоняюсь лбом к прохладному стеклу. Где-то там, за этой темнотой, мои школьные маршруты, дворы, где я ката-

лась на плюшке и дом, в котором провела детство.

Таксист включает радио, по салону разносится вечное новогоднее «Три белых коня». А я ловлю себя на том, что улыбаюсь.

Когда город наконец начинает прорисовываться, становится ещё светлее. Сначала нас встречают спальные районы: многоэтажки, гирлянды на балконах, ёлки у торговых центров. Потом огни становятся плотнее.

Мы выезжаем на коммунальный мост. Под нами – чёрная лента воды, над которой ползёт пар. Огни отражаются в реке длинными дрожащими дорожками. На другом берегу домики, фонари. Это такой живой, мощный и знакомый пейзаж, что у меня перехватывает дыхание.

– Приехали, – говорит таксист, когда мы останавливаемся у отеля.

Лезу в сумку за кошельком.

Холодею. Кошелька нет...

Проверяю карман, внутреннее отделение, ещё один карман, маленький потайной, где у меня всегда лежит немного налички. Пальцы шарят быстрее, я выворачиваю сумку, но не нахожу ни телефона, ни кошелька с картами и деньгами. Ни-че-го.

Такой липкий ужас прокатывается по спине, что даже ноги становятся ватными.

В голове вспыхивает картинка: столкновение, приятный парфюм, тёплая рука, белозубая улыбка. Павел наклоняется

за моей косметикой, закрывает молнию, помогает поднять-
ся, держит мою ладонь.

Он держал и мою сумку.

– Нет. Только не это!

– Что-то случилось? – Поворачивается ко мне водитель.

Поднимаю на него глаза.

– Кажется, меня только что обчистили...

Глава 6

Расплачиваюсь с таксистом. Выворачиваю из внутреннего кармана сумочки всё до последней монетки. Этого всё равно не хватает. Хорошо ещё, что водитель только тяжело вздыхает, а не требует в счёт долга мои золотые серьги.

– Ладно уж, – ворчит. – На вас сегодня и так, видно, все звёзды с неба попадали. Идите с богом.

Бормочу «спасибо», вылезаю с чемоданом и сумкой. И только у входа в отель понимаю, насколько мне повезло, что номер я полностью оплатила заранее. Без кошелька, без телефона, без карт я сейчас с тем же успехом могла бы ночевать в аэропорту.

С грехом пополам заселяюсь.

Люкс оправдывает каждую копейку, вложенную в него. Огромная кровать, мягкий ковёр, в котором утопают ноги, кресло у панорамного окна, за которым светится Красноярск. Подхожу ближе, прижимаюсь ладонями к холодному стеклу.

Внизу переливаются огни дорог, тянется Енисей. Вдали видно остров Отдыха с центральной ёлкой: яркое пятно света, вокруг которого крутится жизнь. Машины, люди, огоньки, гирлянды. Новый год идёт сюда полным ходом.

Надо заблокировать карты. Немедленно.

Иду к столу, поднимаю трубку стационарного телефона.

Рядом лежит карточка с инструкцией по набору: городские, междугородние, международные, какие-то ещё коды. Номера банка в голове, конечно же, нет. И посмотреть негде – соловый-то уплыл вместе с широкой улыбкой грёбаного проходимца Павла.

Сажусь на край кровати, делаю пару переборов пальцами по телефонной трубке. Хочется поплакать и побиться головой о стену.

Так, Семёнова, паниковать будешь потом. Сначала придумай, как спасти свою задницу и остатки накоплений. Нужны действия.

Действия напрашиваются простые и старомодные: найти живого человека, у которого есть телефон, и попросить им воспользоваться. Телефоном, конечно. Не человеком. Объяснить ситуацию, пережить пару сочувственных или любопытных взглядов, но зато вернуть себе хоть какой-то контроль.

Мысли о том, что надо сейчас кому-то рассказывать свою историю, совсем не радуют, но перспектива, что Павел бегает по магазинам с моими деньгами, радует ещё меньше.

Подхожу к зеркалу, оцениваю свой вид. Не бог весть что, но не катастрофа: волосы немного растрёпаны, но их можно пригладить. Скидываю шубку, поправляю простенький пиджачок на плечах.

Выбираюсь в коридор. Здесь тихо, ковёр глушит шаги, свет мягкий, возле каждой двери горит аккуратная лампочка.

ка с номером.

Почему-то останавливаюсь у того, что справа. Дверь там приоткрыта на пару сантиметров. Из щели льётся тёплый свет, слышен тихий голос.

Стучу тихонько и просовываю в номер любопытный нос. Мужской, низкий и чуть уставший голос становится громче.

– Да где я тебе её найду, Матвей? – говорит невидимый сосед. – Раньше надо было думать, до того, как я с Дариной расстался. Хоть какой-то толк от неё был бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.